

Н. Ю. БАЛОШИНА,

директор департамента НИР СПбГУП, кандидат исторических наук

**СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОСЛОВИЯ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *)**

Размышления о появлении и становлении научного сословия в России на рубеже XVII и XVIII веков, а также в первой половине XVIII века, в период перехода в новый век и в новое тысячелетие звучат очень актуально, тем более, что совсем недавно научная общественность России отмечала 275-летний юбилей Академии наук, а еще ранее была свидетелем бурной и противоречивой дискуссии о дате основания Петербургского университета. Все это наводит на мысль о том, что, как и в других научных спорных проблемах, многое, если не все начинается с определений. В данном случае речь идет об определениях «наука» и «научные работники» применительно к России конца XVII — первой половины XVIII вв. [1].

Строго говоря, понятия «наука» как такового в России начала XVIII в. еще не было, а точнее — оно было очень размытым. Достаточно посмотреть переписку государственных деятелей петровской эпохи относительно вопроса создания Академии наук, чтобы понять, что слова «наука», «образование», «просвещение» считались синонимами [2]. Так писал и сам Петр I, также употребляют эти слова, и самые образованные российские люди той эпохи — Феофан Прокопович, Стефан Яворский и другие [3]. Отсюда понятно, что для них, строго говоря, наука — это прежде всего способы и методы получения знаний и информации по той или иной дисциплине, с последующим применением этих самых знаний и информации. Естественно, что под этими терминами понимался также и сам процесс накопления и получения этих знаний и информации, но то, ради чего это делалось, ставилось однозначно на первое место. Это и не удивительно — петровская эпоха характеризуется прежде всего преобладанием практического отношения ко всему, что тогда делалось и появлялось. Но отсюда сложилось противоречивое отношение (в смысле терминологии) к тем, кто наукой в то время занимался. Исходя из размытости определений в начале XVIII в. получалось, что к ученым того времени можно было причислить и приглашенного в Россию для работы в создававшуюся Академию наук будущего ученого с мировым именем, и преподавателя школы

при Аптекарском приказе в Москве, и просто много и разнообразно интересующегося различными областями знаний человека, каким был, например, Я. В. Брюс и другие сподвижники Петра I. И если попытаться встать на позицию начала XVIII в., то так оно и выглядит.

Исходя из приведенных выше рассуждений получается, что логично говорить о складывании в России после официального открытия Академии наук в 1726 г. определенной профессиональной прослойки, которая бы занималась наукой в различных ее проявлениях, а также об адекватном ее восприятию в обществе не представляется возможным. Гораздо правильнее, на наш взгляд, в данном вопросе употреблять термин «научное сословие», ибо в начале и в первой половине XVIII в. в России наукой, образованием и просвещением занималось действительно своеобразное сословие, состоящее из весьма разнообразных групп людей. Иное дело, что и внутри себя данное «сословие» было весьма неоднородным. С одной стороны, в него входили академики и другие сотрудники появившейся Академии наук, а также ее подразделений. Но их вхождение в данное «сословие» было довольно оригинальным явлением, ибо практически все они (до середины XVIII в. — появления в российской науке М. В. Ломоносова и его научной школы) были выходцами из Европы и практически не ассимилировались в российское образованное общество. В этом не было необходимости — Академия наук была государственным учреждением под покровительством самой императрицы, на государственном жаловании, со структурой, практически полностью заимствованной в основном из Германии и других европейских стран, с традиционным для того времени научным языком — латинским (с дополнениями в виде французского, голландского и немецкого языков) [4]. Иначе говоря — Академия наук была «государством в государстве» со всеми вытекающими отсюда последствиями — вхождением в «научное сословие» России по касательной.

С другой стороны, весьма весомый вклад в появление и становление «научного сословия» России первой половины XVIII в. внесли русские просветители из «Ученой дружины» и деятели Православной церкви, такие как Василий Никитич Татищев, Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Феофилакт Лопатинский.

*) Данная работа выполнена при поддержке гранта № КИ 711-1-01, полученном по программе МИОН-Фонд Форда.

тинский, Димитрий Ростовский и другие. Они были наследниками и продолжателями традиций российского образования, блестяще образованными по тому времени людьми, в совершенстве владевшими не только традиционными для российского просвещения гуманитарными научными дисциплинами, но и естественнонаучными, современной им философией, богословием и многими языками. Кроме того, все они без исключения были крупными для своего времени библиофилами и переводчиками, что позволило некоторым образом приблизить к образованному российскому читателю непонятные ему доселе научные труды, прежде всего на латинском языке [5]. Но данная прослойка общества была слишком малочисленна, чтобы на что-то влиять сама по себе, и поэтому хотя и по касательной, но ее деятельность необходимо сопрягать с деятельностью Академии наук и существовавших тогда учебных заведений?

В это же самое время в России уже с середины XVII в. (а в некоторых моментах — и еще ранее) существовала не совсем малочисленная (по тогдашним понятиям) прослойка людей весьма образованных и имеющих самое непосредственное отношение к образованию, просвещению, и наконец — к науке. Нет ничего удивительного в том, что подавляющее большинство из этой прослойки составляли люди духовного звания или имеющие отношение к Церкви — это вполне естественно для становления системы образования и просвещения вообще, где бы это ни происходило. Но были среди этой прослойки и иные люди — из обрусевших иностранцев, уже не первое поколение работавших в России (как Я. В. Брюс), или из светского сословия, официально занимавшие должности на государственной службе (как А. Кантемир или В. Н. Татищев). Всех их в данной ситуации объединяло одно — создание (пусть не всегда осознанное и планомерное) национальной системы образования, просвещения и в конечном счете — научной мысли. Официально все эти люди не принадлежали Академии наук или какой-либо еще научной структуре петровского и постпетровского времени, хотя иногда они преподавали в различных учебных заведениях (как Ф. Лопатинский, Ф. Прокопович или В. Н. Татищев), или готовили учебные пособия по различным предметам (как Я. В. Брюс или все тот же Ф. Прокопович). Но основным родом деятельности для данной прослойки была государственная служба — светская или церковная. Тем не менее, роль данных государственных и церковных деятелей в станов-

лении российского образования и науки была столь велика, что их с полным правом можно причислить к особому сословию — «научному сословию», которое имело свою отличительную особенность — определенную профессиональную подготовку, направленную на единую цель — утверждение в России системы формирования профессиональных специалистов в различных областях. Наличие подобного разнородного, но объединенного одной общей целью явления в российской культуре и просвещении XVIII в. позволило в дальнейшем заложить те основы, которые привели к появлению в конце XVIII в. российской научной и преподавательской школы [6]. Тем более, что предпосылки к такому течению истории в середине XVIII в. у России имелись — достаточно вспомнить Киево-Могилянскую и Славяно-Греко-Латинскую академии и те научные и преподавательские силы, которые группировались вокруг данных образовательных учреждений. Основное же отличие ситуации, создавшейся вокруг складывания системы российского образования и науки в середине XVII и XVIII веков состояло не только в том, что первый временной отрезок приходился на эпоху до, а второй — после эпохи петровских преобразований (что само собой). Основное отличие, на наш взгляд, в том, что в середине XVII в. в так называемое «ученое сословие» входили только деятели Церкви и ее учреждений, в то время как в середине XVIII в. так называемое «научное сословие» составляли уже не только деятели Церкви, но и светские просветители, а работали они фактически воедино и на одну общую цель [7].

Таким образом, мы наметили три основных направления, по которым происходило создание «научного сословия» в России в первой половине XVIII в., с тем, чтобы проследить развитие этих направлений и попытаться ответить на один из самых актуальных вопросов истории науки и образования в наше время — что ждет науку и образование в России начала XXI в. и не превратится ли данная профессиональная среда снова в «сословие», как уже было в истории российской науки и образования — и при Анне Иоанновне, и на рубеже XX века?

Литература

1. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862. Т. I. С. 12–35; Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1992.
2. Памятники философской мысли Белоруссии XVII — первой половины XVIII вв. Минск, 1991. С. 3–15, 23–34.

3. *Прокопович Ф.* Философские сочинения: В 3 т. Киев, 1979–1981 (на укр. яз.); *Беляев О.* Кабинет Петра Великого: В 2 ч. СПб., 1783. Ч. 2 и др.

4. *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977; *Копелевич Ю. Х.* Создание Петербургской Академии наук // Петербургская Академия наук в истории академий мира. Материалы международной конференции к 275-летию Академии наук. В 4 т. СПб., 1999. Т. IV. С. 249–254.

5. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 267–378; *Балошина Н. Ю.* Традиции гуманитарного образования старой России // «Клио» N 1(7). 1999. С. 169–176.

6. *Феофилакт Лопатинский.* Избранные философские произведения. М., ИФ РАН, 1997.

7. *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990.